

Тузков С. А.,

доктор філологічних наук,
професор кафедри російської філології і перекладу
Маріупольського державного університету

ПОД ЗНАКОМ «DEJA VU»: ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ РОМАНА Ф. ДОСТОЕВСКОГО «БЕСЫ»

Аннотация. Анализ романа Ф. Достоевского «Бесы» осуществляется сквозь призму оппозиции «Н. Ставрогин – П. Верховенский», которая ретроспективно отражает ситуацию борьбы добра и зла в современном мире. Подчеркивается, что решающее значение в их противостоянии приобретают ироническое мироощущение первого и цинизм второго.

Ключевые слова: оппозиция, борьба добра и зла, ирония, цинизм, ересь.

Постановка проблемы. Антинигилистический роман Ф. Достоевского «Бесы» (1870–1872) современниками писателя воспринимался как «пасквиль на революцию», карикатурный отклик на злободневную реальность, но он оказался долговременным пророчеством «ужаса диктатора идеи над живой жизнью» [1, с. 199]. Сначала в России, а затем и вне России – в Италии, Германии, Китае, на Кубе, в Камбодже вплоть до современного терроризма. В этом ряду не последнее место занимает революционно-реставрационный переворот конца 1980-х – начала 1990-х гг. (а затем – начала XXI века), как в России, так и в странах, отпочковавшихся от бывшего Советского Союза.

Но, если у Ф. Достоевского «бесы», одержимые идеей социального переустройства, ещё только рвутся к власти; то «бесы» XX–XXI вв., придя к власти, создают новое общество социального неравенства.¹ Удивляет, что писатель, подобно гениальному шахматисту, в своём романе далеко просчитал ходы развития социальных идей и процессов.² По логике Ф. Достоевского, научно-технический прогресс сопровождается духовно-нравственным распадом, создавая предпосылки лишь для внешне независимого существования и материального процветания людей, но не для преобразования их внутреннего мира, «не просветляет духовно-психологическое ядро «свободной» личности, где коренятся властолюбие, зависть, тщеславие» [2, с. 236]. Отсюда – спиралеобразное движение во времени нигилистического беснования последователей С. Нечаева – П. Верховенского, не способных понять «социально-интеллектуальные» проявления жизни, но легко осваивающих своим «маленьким умом» технику «реалистического» использования слабостей человеческой природы (сентиментальности, чиновничества, боязни собственного мнения etc.) для достижения властолюбивых целей. Современные «бесы-верховенские», «лакеи мысли» с придавленным до желчи самолюбием и заносчивой гордостью, не в состоянии понять, что безмерное и бесконечное так же необходимо человеку, как и та малая планета, на которой он обитает (любимая мысль А. де Сент-Экзюпери). Их высшей целью становится – говоря словами Ф. Достоевского – «жрать, да спать, да гадить, да сидеть на мягком».

В духовном облике современных «бесов», по остроумному замечанию В. Вахрушева, гротескно соединяются черты шута-комика (Хрущев), носителя чёрного юмора (Сталин) и беспощадного тирана-садиста, заранее предвкушающего свою радость при виде унижений и гибели миллионов людей (Ленин): «В этом типе предугадан и сконцентрирован, изображён тип такого человека, который легко приспосабливается к существованию в любой социально-политической системе, легко меняет свои политические убеждения, если это ему выгодно. Это носитель, если угодно, идеи полной политической безыдейности, прикрываемой демагогией» [3, с. 250]. И что поразительно – из всех общественных движений вымывается наиболее совестливая, интеллигентная часть; а торжествуют те, кто нагл, развязен и лишён соображений порядочности, – циники и прагматики, безошибочно узнаваемые в каждом своём шаге: «бесы-верховенские». То же самое и вне политики – все друг друга изобличают, поощряют доносчиков и почти никто не смотрит в зеркало (разве только для самолюбования): «Своя правда есть у каждого – равно как в каждом сидят ложь и зло. Нельзя изгнать вовсе зло из мира, но можно в каждом человеке его потеснить ...» [4, с. 3].

«Потеснить зло» – именно такой, на все времена, нам представляется жизненная позиция порядочного человека... Скрытой интригой романа Ф. Достоевского «Бесы» является противостояние П. Верховенского и Н. Ставрогина: «Широкомасштабная провокация Петра Степановича, предполагавшая убийство Шатова и самоубийство Кириллова, имела <...> конечную цель: обрести союзника, соучастника и соруководителя смуты в лице Ставрогина» [5, с. 203]. **Цель нашей статьи** – обозначить основные вехи этого противостояния, ретроспективно отражающего ситуацию борьбы добра и зла в современном мире.

Изложение основного материала. Н. Ставрогин и П. Верховенский – в соответствии с авторским замыслом – сосуществуют в едином символическом поле, но на различных его смысловых полюсах (красоты и уродства, света и тьмы, Христа и Антихриста), о чём свидетельствует и этимология их фамилий: распятию на кресте (Ставрогин от греч. *стаuros* – Т-образный крест), душевному и физическому страданию противопоставляется стремление верховодить, всюду быть первым. Отсюда – неизбежные библейские аллюзии в литературоведческих работах, посвящённых интерпретации романа Ф. Достоевского. «Главный бес» – П. Верховенский – естественно, чаще всего ассоциируется с образом Антихриста, тем более, что он открывает парадигму «бесов» (Ф. Дзержинский, В. Менжинский, А. Вышинский) и «бесенят» (В. Жириновский, В. Яворивский) XX–XXI веков. Особое значение

при этом приобретает, на первый взгляд, казалось бы, случайная деталь: между прочим, выясняется, что П. Верховенский, вероятнее всего, сын не Степана Трофимовича, а безымянного поляка, которым однажды увлеклась его мать [6, с. 309]. Но тогда расцветшее в России «бесовство» становится не порождением, а извращением русского либерального идеализма; его истоки – в западном материализме (в 1871 году, когда в каждом номере журнала «Русский Вестник» по частям печатались «Бесы» Ф. Достоевского, была провозглашена Парижская Коммуна).

Ставрогин, примыкающий к онегинско-печоринскому типу личности, появляется на страницах романа в ореоле тайны и уходит неразгаданным, если – разумеется – оставить «незамеченной» не вошедшую в основной текст романа главу «У Тихона». Поэтому многие исследователи видят в Ставрогине оборотня, скрывающегося под масками Христа и Антихриста: «Принадлежит то свету, то тьме, Ставрогин каждым персонажем воспринимается одновременно в обоих полюсах ...» [7, с. 133]. Если одной из ипостасей Ставрогина является Христос, а другой – Антихрист, то становятся понятны его «инферальность» и иррациональная пассивность, которая особенно заметна на фоне чрезвычайной, «бесовской» активности П. Верховенского.

В романе (и в главе «У Тихона») упоминаются лишь немногочисленные поступки Ставрогина:

отказ от блестящей карьеры: «... как-то безумно и вдруг закутил..., связался с каким-то огребьем петербургского населения...» [4, с. 60-61];

совращение Матрёши: именно совращение, а не насилие – Ставрогин добивается, чтобы десятилетняя девочка сама его ласкала [6, с. 666-671];

женитьба на полубезумной калек Марье Лебяджиной: «Безобразнее нельзя было вообразить ничего...» [6, с. 672];

изошрённое издевательство над жителями губернского города: любившего повторять, что его «не проведут за нос», Гаганова однажды в клубе «неожиданно, но крепко ухватил за нос двумя пальцами и успел протянуть за собою по зале два-три шага»; при всех поцеловал хорошенькую жену Липутина в губы, «раза три, в полную сласть»; вместо того, чтобы прошептать на ухо губернатору какой-то секрет, «вдруг прихватил зубами и довольно крепко стиснул в них верхнюю часть его уха ...» [6, с. 65-71];

«создание» энтузиастов, поражённых моноидеями (Шатов, Кириллов, П. Верховенский);

исповедальное письмо и самоубийство.

Все они, казалось бы, противоречат здравому смыслу и – на первый взгляд – свидетельствуют в пользу его болезни. Версия – всё объясняющая и всех устраивающая (Чацкий, Онегин, Печорин).

Ставрогин – асоциален: он понимает абсурдность обывательских принципов, которые служат залогом существования общества и, не принимая его ценностей, пренебрегает принятыми нормами, моралью и мнениями, презирает человеческую глупость и – как следствие – стадность! Разумеется, не придерживаясь общепринятых норм поведения, Ставрогин разрушает (губит) не только свою жизнь, но и жизни близких ему (любящих его) людей – матери, Лизы, Шатова, Кириллова ... Однако сознательно он занимается только саморазрушением, чему в немалой степени способствуют его раздвоенность и пре-

дельное равнодушие (Ф. Ницше: «Кто не умеет найти пути к своему идеалу, тот ведёт более безрассудную и наглую жизнь, чем человек без всякого идеала»); тех, кто по той или иной причине попадает в круг его губительного воздействия (Марья Лебяджина, Лиза, Шатов, Кириллов ...), он по-своему – скорее пассивно, чем активно – даже пытается спасти, освободив от своего на них влияния.

Привычка к «противочувствованиям» превращает его «духовные поиски» в бесконечную (их бессмысленность и безрезультативность очевидны!) цепь, состоящую из звеньев преступлений. «Срывы» Ставрогина носят скорее экспериментальный, чем стихийный характер – испытывают давление «рассудочного ножа» – но ни аргументами «за», ни доказательствами «против» не убеждают его в существовании Бога, а значит «не вовлекают сердце в органическую область совести, покаяния и любви» [2, с. 244]. Из героев романа Ф. Достоевского, пожалуй, только он естественно вписывается в ситуацию современного мира, в котором, если воспользоваться известными словами Ф. Ницше, Бог умер: «Чтобы сделать соус из зайца, нужен заяц; чтобы уверовать в Бога, нужен Бог» [6, с. 259].

Думается, наиболее точную оценку Ставрогину – из всех известных нам – даёт Т. Касаткина: «Ставрогин – высший тип ироника у Достоевского, да и, наверное, во всей мировой литературе» [8, с. 71]. Эта мысль для нас имеет большое значение ещё и потому, что в своей работе Т. Касаткина сравнивает и противопоставляет иронию и цинизм как два различных типа эмоционально-ценностной ориентации [8, с. 69-71].

Интересующая нас оппозиция «Ставрогин – П. Верховенский» как раз и отражает это противопоставление. Если Ставрогин олицетворяет «дух иронии», то П. Верховенский – классический пример циника. Доминирование иронического начала в образе Ставрогина, а циничного – в образе П. Верховенского объясняет не только, почему П. Верховенский так настойчиво добивается расположения Ставрогина, но и причину их разрыва: «Цинизм с большой яростью разрушающий все прочие системы ценностей <...> максимально использует иронию именно как реакцию на иную эмоционально-ценностную ориентацию. Однако с тем большей энергией цинизм защищает от иронии свою последнюю ценность – собственное «я» циника, окутанное сентиментальностью...» [8, с. 70], в то время как для ироника «нет ни одной нравственной ценности, даже ценности собственного «я» [8, с. 71]. Именно в отношении к самому себе (для П. Верховенского собственное «я» – высшая ценность; для Ставрогина собственное «я» не имеет никакой ценности) – ключевое отличие главных героев романа Ф. Достоевского. Реплика Ставрогина в письме к Даше, объясняющая его отказ принять предложение П. Верховенского возглавить смуту: «... я не мог быть тут товарищем, ибо не разделял ничего. А для смеху, со злобы, тоже не мог, и не потому, чтобы боялся смешного, – я смешного не могу испугаться, – а потому, что всё-таки имею привычки порядочного человека и мне мерзило» [6, с. 649], – парадоксальным образом лишь усиливает это впечатление.

Комментируя поступки Ставрогина, Т. Касаткина акцентирует внимание на том, что для ироника жизнь – игра («насмешливая жизнь») [8, с. 72-79]. «Асоциальные» поступки Ставрогина – всего лишь игра, испытание самого себя, своих сил ... Основные события романа происходят после послед-

него приезда Ставрогина в губернский город, – к этому времени он уже закончил все свои «опыты», всё о себе понял: «Я знаю, что мне надо бы убить себя, смести себя с земли как подлое насекомое; но я боюсь самоубийства, ибо боюсь показать великодушие. Я знаю, что это будет ещё обман, – последний обман в бесконечном ряду обманов...» [6, с. 649] и принял решение относительно своего будущего: «... я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури, и этого никто не знает. Там я уже купил маленький дом. У меня ещё есть двенадцать тысяч рублей; мы поедem, и будем там жить вечно. Я не хочу никогда никуда выезжать» [6, с. 648].

Возникают вопросы:

Зачем Ставрогин, прежде чем навсегда уехать из России, приезжает в родной город?

Почему он пытается спасти всех тех – Марью Лебядкину, Лизу, Шатова, Кириллова, – чьими судьбами равнодушно «играл» в течение последних пяти лет?

И, наконец, что заставляет его совершить самоубийство?

В каноническом тексте романа Ф. Достоевского они не имеют ответов: «Ставрогин появляется в романе в ореоле тайны и уходит неразгаданным» [7, с. 133]. Отсюда – сложившееся в современном литературоведении восприятие образа Ставрогина как «русского Гамлета» или сфинкса («загадка Ставрогина»). Ответы на эти вопросы несложно найти в главе «У Тихона», которая – как указывалось выше – не вошла в окончательную редакцию романа, что не мешает нам учитывать её содержание при анализе образа Ставрогина: диалог святого и грешника; верующего в Бога и еретика, наряду с самохарактеристикой героя (записки Ставрогина), многое проясняет в его мироощущении. При расставании со Ставрогиным Тихон произносит в транс: «Я вижу как наяву, – воскликнул Тихон пронзающим душу голосом и с выражением сильнейшей горести, – что никогда вы, бедный, погибший юноша, не стояли так близко к самому ужасному преступлению, как в сию минуту!» [6, с. 683-684].

Преступление, о котором говорит Тихон – самоубийство. И Ставрогин, несомненно, понимает это: «Ставрогин даже задрожал от гнева и почти от испуга: «Проклятый психолог!» – оборвал он вдруг в бешенстве и, не оглядываясь, вышел из кельи» [6, с. 684]. Единственный раз на протяжении всего повествования мы видим, что Ставрогин способен испытывать сильное чувство. И это чувство – бешенство! Всё дело в том, что он больше не уверен в себе: «демон иронии» посмеялся над ироником, внушив ему страсть к Лизе. Николас до последнего момента не признаётся даже себе в том, что Лиза, любовь к ней, привнесла в его жизнь незнакомое ему до сих пор ощущение смысла существования (а ведь именно его он так долго и безрезультатно искал!), – по инерции он продолжает «играть».

Смерть Лизы обесценивает существование Ставрогина настолько, что делает невозможным осуществление задуманного ранее бегства из России, жизнь отшельника, и, напротив, возможным ранее для него невозможное – покончить жизнь самоубийством!

В отличие от Ставрогина, П. Верховенский абсолютно предсказуем и поэтому не интересен. Цинично используя людей, которых он не уважает, но пользуется их услугами для достижения собственной цели, П. Верховенский пытается и Ставрогина «приручить», предлагая ему сыграть главную роль Ивана-Царевича (по сути – самозванца) в предстоящей смуте. Привычка манипулировать людьми развивает у

П. Верховенского завышенную самооценку, поэтому отказ Ставрогина воспринимается им как минутная блажь. Он до конца не хочет поверить в то, что Ставрогин не станет играть по его правилам, в его игру: «*Поймите же, что ваш счёт теперь слишком велик, и не могу же я от вас отказаться! Нет на земле иного, как вы! Я вас с заграничи выдумал; выдумал, на вас же глядя. Если бы не глядел я на вас из угла, не пришло бы мне ничего в голову!*...» [6, с. 413]. Близорукость П. Верховенского – следствие его одержимости «бесами», несущими соблазн эгоцентризма, воли к господству себе подобными, способности преступать выработанные людьми моральные заповеди. Для него растление других – средство компенсации собственной неполноценности. Нигде не взята П. Верховенскому того, чем при всех своих недостатках и при своей инфантильности наделён Ставрогин, – внутренней свободы.

Ф. Достоевский пронзительно заметил, что «бесы-верховенские» своих врагов, среди которых нередко оказывались и бывшие друзья, «... от неумения вести дело, ужасно любят обвинять в шпионстве» [6, с. 251]. Любопытно, но Ставрогина буквально боготворят все те, кого он «создал» – Марья Лебядкина, Шатов, Кириллов, наконец, тот же П. Верховенский... (Ставрогин – Шатову: «... вы, кажется, смотрите на меня как на какое-то солнце, а на себя как на какую-то букашку сравнительно со мной») [6, с. 250]. При этом Ставрогин не то что не ценит, а даже тяготеет к себе таким отношением этих людей. А П. Верховенскому, напротив, при всём желании, не удаётся добиться подобного поклонения: «наши» (Виргинский, Липутин, Шигалев, Лямшин, Толкаченко) постоянно отстаивают своё «право свободы ... движений». Чтобы добиться повиновения, П. Верховенскому приходится постоянно прибегать к ухищрениям и уловкам. Даже вопрос об убийстве Шатова среди «наших» вызывает разногласия, вплоть до того, что Шигалев, «единственно потому, что всё это дело, с начала до конца, буквально противоречит» его программе, отказывается принимать непосредственное участие в «замышляемом предприятии» и демонстративно покидает остальных [6, с. 279-280]. Виргинский и до, и после убийства пытается – пусть по-интеллигентски «деликатно» – протестовать [6, с. 277-585].

Как ни странно, единственно достойную позицию занимает Ставрогин, предупреждая Шатова о том, что его хотят убить. Реакция Шатова предсказуема – он возмущён: «*Это нелепость!.. Я объявил честно, что я расхожусь с ними во всё! Это моё право, право совести и мысли ...*» Ответная реплика Ставрогина говорит не только о его отношении к П. Верховенскому, но и о том, что он прекрасно понимает «лакейскую сущность» подобных ему людишек с «коротеньким умом»: «*Знаете, вы не кричите... этот Верховенский такой человек, что, может быть, нас теперь подслушивает, своим или чужим ухом...*» [6, с. 249]. В свою очередь, Шатов – в разговоре со Ставрогиным – тоже достаточно выразительно характеризует П. Верховенского: «*Этот клоп, невежда, дуралей...*» [6, с. 250]. А Федька Каторжный – в последнем разговоре-соре с П. Верховенским – замечает: «*Господин Ставрогин пред тобою как на лестнице состоит, а ты на них снизу, как глупая собачонка, тявкаешь, тогда как они на тебя сверху и плюнуть-то за большую честь почитают*» [6, с. 542]. Его слова буквально реализуются в главе «Иван-Царевич», которая – в отсутствие главы «У Тихона» –

вынужденно воспринимается как композиционный центр романа. Сошлёмся на наблюдения Ю. Карякина, который в своих комментариях к главе «Иван-Царевич» обращает внимание, с одной стороны, на динамизм повествования в этой главе: «... всё это время Ставрогин, ускоряя шаг, идёт по тротуару, а Петруша то семенит следом, то возле, то забегает вперёд... Представьте этот беиеный ритм движения, заданный Ставрогиным, и этот беиеный ритм речи, произносимой Петрушей...». С другой стороны, – на оппозицию «верх – низ», своего рода «знак» идейного противостояния героев: «Ставрогин всё время – «наверху», Петруша – «внизу» [9, с. 320]. Характерно, что и после последнего всхлипа-крика П. Верховенского, понимающего, что ему не удастся уговорить Ставрогина взять на себя «роль Стеньки Разина»: «Врёте вы, дрянной, блудливый, изломанный барчонок, не верю, аппетит у вас волчий!..» [6, с. 413]. Ставрогин, не отвечая, идёт вверх по лестнице. Опять – «вверх»! В то время как П. Верховенский кричит ему – «снизу»!

Итак, попробуем схематично обозначить принципиальные различия между главными героями «провинциальной хроники» Ф. Достоевского:

П. Верховенский	Н. Ставрогин
отсутствие веры	поиски Бога
цинизм	ирония
желание «верховодить», подчинять своей воле других людей	отказ от власти: вместо самозванства отшельничество
самодовольство	саморазрушение
мстительность	самопожертвование

Выводы. О трагических пророчествах Ф. Достоевского, в своё время, немало писали Ю. Карякин, Л. Сараскина, Б. Тарасов [9; 10; с. 2]. Но, к сожалению, и сегодня «бесовщина» процветает как в политике (под маской либерально-демократических идей), так и в «массовом обществе», которое «носорожьей» поступью движется в направлении утопии: отсутствие нравственных координат, неопределённость, взаимное отчуждение – следствие телевизионного занавеса и информационной помойки, насаждающих обывателям «новые старые ценности».

Примечания

1. На Украине – также «вакханалия бесовщины»; преследуя материальную выгоду, свою неприязнь ко всему украинскому они скрывают за ложным (лживым!) патриотизмом. Их лже-патриотизм граничит с национализмом в самой грязной его форме.

2. Парадокс истории: на рубеже 80-90-х годов XX века появляется сразу несколько отдельных изданий романа Ф. Достоевского «Бесы», прежде для широкого читателя труднодоступного и отдельно не издававшегося, – по времени эти издания совпадают с новым разгулом старой «бесовщины»: «Терпит бесовщина «Бесов», трепещи и веруя, – и в том слабость и сила бесов: мнят себя выше разоблачений, но уже не поднимают руку на несомненность художественного» [11, с. 178].

3. Откликаясь на реплику-рану Василя Стуса: «В украинской литературе абсолютно нечего читать. Сейчас культ бездарных яворивских, их время, их час», невольно вздыхаешь в рифму: «Время бездарных яворивских

и сейчас!» Для справки: В. Яворивский – председатель союза писателей Украины, лауреат премии им. Т. Шевченко (1984), доносчик, «чернобыльский коммерсант», политпроходимец.

4. Сегодняшний Н. Ставрогин – еретик. Современные «бесы» – вынохиватели ереси.

5. Ср.: «... беда человека в том, что он, отказавшись от стремления к высшему, к духовным откровениям человеческого гения, может двинуться не к божественной высоте, а избрать дьявольскую, бесовскую духовность» [12, с. 143].

Литература:

1. Иванова Н. «Бесы»: реинкарнация: Не только театральные впечатления / Н. Иванова // Знамя. – 2004. – № 11. – С.199-207.
2. Тарасов Б. Вечное предостережение: «Бесы» и современность / Б. Тарасов // Новый мир. – 1991. – № 8. – С. 234-247.
3. Вахрушев В. «Бесы» Достоевского: Жанр и смысл романа / В. Вахрушев // Дон. – 2005. – № 2. – С. 241-253.
4. Карякин Ю. Ф., Сараскина Л. И. «Закружились бесы разны, будто листья в ноябре...» / Ю. Ф. Карякин, Л. И. Сараскина // Литературная газета. – 1992. – 11 марта. – № 11. – С. 3.
5. Сараскина Л. И. Право на власть: Размышляя над первоисточником / Л. И. Сараскина // Октябрь. – 1989. – № 7. – С.183-203.
6. Достоевский Ф. М. Бесы / Ф. М. Достоевский. – М.: Правда, 1990. – 704 с.
7. Владимирская О. И. О возможных мотивах изъятия главы «У Тихона» из романа «Бесы» Ф. М. Достоевского / О. И. Владимирская // Русская речь. – 1990. – № 4. – С. 130-134.
8. Касаткина Т. А. Эмоционально-ценностная ориентация иронии и её воплощение в романе «Бесы» Ф. М. Достоевского: Образ Николая Ставрогина / Т. А. Касаткина // Филологические науки. – 1993. – № 2. – С. 69-80.
9. Карякин Ю. Ф. Достоевский и канун XXI века / Ю. Ф. Карякин. – М.: Советский писатель, 1989. – 656 с.
10. Сараскина Л. И. «Бесы»: роман-предупреждение / Л. И. Сараскина. – М.: Сов. писатель, 1990. – 479 с.
11. Михайлов А. В. К новому Достоевскому / А. В. Михайлов // Наш современник. – 1991. – № 3. – С. 177-179.
12. Кантор В. Бесы versus Мадонна / В. Кантор // Октябрь. – 2007. – № 9. – С. 138-145.

Тузков С. О. Під знаком «dèjà vu»: нотатки на полях роману Ф. Достоевського «Біси»

Анотація. Аналіз роману Ф. Достоевського «Біси» здійснюється скрізь призму опозиції «М. Ставрогин – П. Верховенський», яка ретроспективно відображає ситуацію боротьби добра та зла у сучасному світі. Підкреслюється, що вирішальне значення у їх протистоянні набуває іронічне світосприйняття першого та цинізм другого.

Ключові слова: опозиція, боротьба добра та зла, іронія, цинізм, ересь.

Tuzkov S. Under the «dèjà vu» sign: the notes on the edge of the F. Dostoyevski's novel «The devils»

Summary. The analysis of the novel «Demons» by F. Dostoyevski is being carried out in the light of the opposition «N. Stavrogin – P. Verkhovenski» which reflects the situation of the struggle between good and evil in the contemporary world. It is underlined that the ironic attitude of the first and the cynicism of the second gain the decisive importance in their opposition.

Key words: opposition, struggle between good and evil, irony, cynicism, heresy.